

⁶ См.: Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Искусство и коммунистический идеал. М., 1984.

⁷ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 19.

⁸ Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974. С. 251.

В. А. УНУКОВИЧ

ОТНОШЕНИЕ К. МАРКСА К ГЕГЕЛЕВСКОЙ ПРОБЛЕМЕ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ

Что представляют собой абстракции в логике Гегеля? Как Гегель рассматривает соотношение исторического и логического? Что значит изобразить развертывание действительного противоречия, какова бы ни была его форма? Эти и некоторые другие вопросы гегелевской логики и критическое отношение к ним К. Маркса составляют содержание данной статьи.

Как известно, в гегелевской логике «каждая сфера логической идеи оказывается некой тотальностью определений и неким изображением абсолюта». Гегель начинает изложение со сферы бытия, с определений этой сферы, т. е. с абстракций, или логических категорий, посредством которых изображается движение идеи в данной сфере. «Чистое бытие» и «чистое ничто» образуют начало логики, простейшее логическое отношение, из которого исходит Гегель: **«бытие и ничто суть одно и то же»**. «Но так же, как правильно, что бытие и ничто едины, так же правильно, что они **совершенно различны**, что одно не есть то, что есть другое»¹. Далее, поскольку бытие, лишенное определений, есть ничто, то их единство находится выражение в категории становления. «Да» «чистого бытия» превращается в «нет» «чистого ничто», «нет» «чистого бытия» превращается в «да» «чистого ничто». «Чистое бытие» становится одновременно и «да» и «нет», «чистое ничто» — и «нет» и «да». **«Становление»** — вот истинное выражение результата бытия и ничто»². Этим результатом является наличное бытие.

Наличное бытие — это не пустое бытие, а бытие, имеющее определенность. Определенность наличного бытия как тождественная с бытием и непосредственная определенность есть качество вообще.

Качество, рассматриваемое как непосредственно связанная с бытием определенность, есть реальность. Реальность качества включает в себя отрицание, которое пока есть лишь форма последнего. В наличном бытии, следовательно, отрицание не выступает свободно.

Однако, и это важно отметить, у Гегеля отрицание в наличном бытии указывает на связь этих определений с категориями формы «ничто», которая, таким образом, оказывается не «чистым ничто», а неким наличным бытием. Но это проявление одного вместо другого справедливо только в рамках этого отношения, ибо категории, посредством которых осуществляется логическое движение в форме «ничто», нам пока не известны. Само по себе определение качества здесь еще не дает ответа на то, каким образом мы пришли к такому его определению. Это обстоятельство у Гегеля выражено категорией «в-себе-бытие». Здесь можно, что и делает Гегель, лишь указать, что определение качества и последующее его развитие зависят от развиваемых определений формы «ничто». Сама же развитость качества, его широта, или «бытие-для-другого» фиксируется категорией «нечто», функции которой заключаются в том, чтобы быть конечной и изменчивой.

Если «нечто» изменяется, то оно становится «другим». Налицо диалектика «нечто» и «другого». «Нечто становится неким другим, но другое само есть некое нечто; оно, следовательно, само в свою очередь также становится неким другим и так далее до **бесконечности**»³.

От скуки в этом диалектическом процессе спасает только то, что «конечное» как одно из определений «нечто» переходит в свою противоположность — «бесконечность». Таким образом, внутреннее противоречие, которым якобы наличное бытие страдало с самого начала, разрешается в форме категории «для-себя-бытия». Категория «для-себя-бытие» есть завершенность развития качества. Поэтому как форма бытия оно есть простое отношение с собой, есть завершенность круга формы бытия, а как **«наличное бытие»** оно определено, но теперь эта определенность уже не

есть более конечная определенность «нечто» в его отличии от другого, но бесконечная определенность, содержащая в себе различие как снятое»⁴. В «для-себя-бытии» свободно выступает определение идеальности, которое в наличном бытии развито лишь постольку, поскольку развита его реальность.

Итак, что же такое абстракции, или логические категории, посредством которых у Гегеля осуществляется развитие идеи? Они суть лишь предикаты мыслящей идеи, которая совершает «чистое» безостановочное кружение в самой себе. Способ существования в логике Гегеля идеи и «нечто» для нее — это логическое движение. Поэтому «нечто» возникает для гегелевской идеи лишь постольку, поскольку она движется в этом «нечто». В развитии, логическом движении идеи обнаруживается ничтожество абстракций, которые оказываются лишь видимостью движения абстрактного мышления, неким маревом последнего. Логическое движение идеи, когда оно относится к какой-нибудь абстракции, отрицает себя. Оно само принимает вид абстракции, или то, что представляется абстракцией, есть оно само. Абстракции — это экзотерическая форма логического движения, развития гегелевской идеи от «в-себе-бытия» к «для-себя-бытию», «этих единственно интересных противоположностей, которые образуют смысл других, вульгарных противоположностей»⁵.

Следует иметь в виду, что Гегель всегда мастерски объясняет, при указанных логических условиях, диалектику той или иной логической формы, но при этом все время полагает, отмечает К. Маркс, «реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» (46; 37—38). В методе восхождения от абстрактного к конкретному логическое движение, развитие лишь по-видимому должно составлять начало, а на самом деле логическое движение по существу есть результат исторического рассматривания и анализа форм развития, т. е. форм осуществления противоречий изучаемого предмета.

А что же получается у Гегеля? Хотя, по выражению Ф. Энгельса, Гегель обладал «огромным историческим чутьем», «развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории» (13; 496), развитие чистого разума, или логической идеи у него «не имеет вне себя ни почвы», на которую он мог бы опереться, «ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться» (4; 130). Свою логику Гегель рассматривает «как единственно истинный акт и акт самоосуществления всякого бытия» (42; 155).

Метод познания, по Гегелю, является чисто логической формулой движения, или движением чистого разума, который «полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой», «формулирует себя как тезис, антитезис и синтез», или, другими словами, «себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание» (4; 131). Таким образом, получается, что «нет более «истории, соответствующей порядку времен», существует лишь «последовательность идей в разуме» (4; 132—133). У Гегеля задачи, возникающие при изложении диалектики, определяются условиями развития чистого разума, т. е. их научное определение не зависит от действительных условий развития реальных противоречий, а поэтому историческое у Гегеля всегда определяется логическим. Историческое движение в форме реального противоречия осуществляется, по Гегелю, в результате развития идеи. Гегель рассматривает историческое как диалектик, но при этом у него в конечном итоге не историческое сохраняется и отрицается логическим движением, а наоборот, логическое сохраняется в историческом и отрицается его движением. Таким образом, поскольку историческое у Гегеля оказывается формой выражения логического движения абсолютной идеи, постольку его метод познания совершенно непригоден. Для Гегеля «процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление (23; 21), для К. Маркса же «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (23; 21).

Чтобы логически изобразить противоречие, необходимо описать вна-

чале движения, происходящие на одном из его полюсов, а затем — на другом, т. е. изложить категории, в форме которых осуществляются эти движения. После этого можно будет перейти к анализу отношений, возникающих между этими движениями, а затем взяться за исследование формы развития противоречия в целом. Все это у Гегеля выступает в виде мистики идей. Когда Гегель излагает диалектику «чистого бытия» и «чистого ничто», то он попросту ведет речь о двух сторонах, или полюсах противоречия, которые еще не наполнены категориальным аппаратом, а поэтому являются пустыми формами. Но что важно, и это Гегель по-своему подчеркивает, что эти формы: 1) нераздельны, связаны и взаимообусловлены, 2) взаимопротивоположны и различны. Ошибочным у Гегеля здесь является лишь то, что эти формы у него равноправны, в то время как в действительном противоречии одна из них играет активную роль, а другая — пассивную. Следует только иметь в виду, что при определенных условиях само это различие оказывается относительным.

Указанные два момента, характеризующие категории «чистое бытие» и «чистое ничто», позволяют Гегелю перейти к категории «становление» — этой логической абстракции движений, происходящих на полюсах, и их взаимного перехода друг в друга, которая рассматривается в отсутствие каких-либо определенных категориальных структур, а следовательно, и определенных отношений между таковыми. Рассмотрев эту абстракцию, Гегель должен, наконец, заняться изложением категориальных структур полюсных форм, которые у него все еще пусты. Он начинает излагать категории сферы качества. Тем самым оказывается, что форма бытия у него играет пассивную роль до тех пор, пока она не перейдет в форму «ничто». Как только он вводит в изложение форму бытия — определенность, которая тождественна бытию и непосредственно с ним связана, т. е. представляет собой качество, то тем самым в мистической форме абстракций приступает к изображению развертывания реального противоречия.

Итак, по логике Гегеля, способ существования «идеи» и «нечто» для нее — это логическое движение. Логическое движение идеи, когда оно относится к какой-нибудь абстракции, отрицает себя. Оно само принимает вид абстракции, или то, что представляется абстракцией, есть лишь оно само. Однако, как пишет К. Маркс, «исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» (23; 21), развертывание реального противоречия. Именно так, преодолевая абстрактный схематизм логики Гегеля, К. Маркс в своих работах материалистически интерпретирует основные положения гегелевской диалектики, в особенности учение о противоречиях.

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 216, 222.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 232.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 157. В дальнейшем тома и страницы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках, через точку с запятой.

Н. В. РЯБОКОНЬ

ДЕТЕРМИНАЦИЯ, ЕЕ ВИДЫ И ТИПЫ

В современной философской литературе достаточно много внимания уделяется разработке общеполитических проблем детерминизма. Исследование их осуществляется в различных ракурсах, включая не только закономерные (причинные), но и иррегулярные процессы и связи. Остается, однако, проблематичным вопрос о выявлении существа детерминации и соотношении ее с детерминизмом. Это породило множество противоречивых точек зрения и суждений.

Ряд авторов утверждает, что понятие детерминации отражает доминирование одной из противодействующих тенденций, а в категориях детерминизма отражается производящая, результативная сторона взаимодействия. Другие считают, что детерминизм означает связь, выражающую за-